

DOI: 10.15643/libartrus-2018.4.3

Трансформация ценностей на пути к постиндустриальному обществу

© В. Р. Парцвания^{1*}, Н. Р. Хупения²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Россия, 119571 г. Москва, проспект Вернадского, 82/1.

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991 г. Москва, Ломоносовский проспект, 27/4.

*Email: partsvaniya-vr@ranepa.ru

В работе предпринята попытка осмысления факторов, способствующих изменению ценностных ориентаций человека при переходе социума из индустриального в постиндустриальное состояние. Исследуются отличия в ценностных основаниях различных типов обществ, методологически разделяемых по типу технологического и хозяйственного базиса. Показано, что под воздействием постиндустриальных тенденций многие общества утрачивают социально-культурные черты, обусловленные индустриальным укладом, и приобретают новые признаки, свидетельствующие о формирующемся гражданском обществе и более гуманистическом характере межличностных отношений. В то же время с использованием логико-аналитического подхода и методов сравнительного анализа выявлены факторы, сдерживающие становление качественно иного социума, среди которых к наиболее значимым факторам авторы относят усложняющийся комплекс социальных отношений по мере «углубления» постиндустриального уклада, а также традиционалистские воззрения, наличествующие в той или иной форме в любых типах обществ и нацеленные на сохранение существующих ценностных ориентаций. Авторы приходят к выводу, что в недрах постиндустриального общества, несмотря на преодоление им классического классового противостояния, разворачивающегося вокруг собственности на средства производства, созревает опасный социальный конфликт. Установлено, что этот конфликт обусловлен «разнопорядковыми» ценностными мотивациями образующихся новых социальных групп и чреват политическими катаклизмами.

Ключевые слова: *ценностные ориентации, индустриализация, традиция, постиндустриальный уклад, гуманизм, благосостояние, прогресс, отчужденный класс, класс интеллектуалов, социальный конфликт.*

Со второй половины XX века у многих обществ заметно возросли экономические возможности, они движутся по пути повышения уровня благосостояния и качества жизни, чему во многом способствуют революционные преобразования в технологической сфере и позитивные эффекты глобализации. Однако эти процессы инициируют различные вызовы, с которыми приходится сталкиваться традиционалистским слоям общества, поскольку эти вызовы, как правило, приводят к трансформации ценностей, устоявшихся в общественном сознании, и изменению привычного социального устройства. В последние десятилетия интенсивность этих вызовов спровоцировала сильные реакционные настроения, справиться с которыми не всегда оказывается под силу даже обществам со сложившимся постиндустриальным укладом. Отсюда представляется полезным обратиться к особенностям воздействия современных

стремительно распространяющихся социальных изменений на сложившиеся в обществе ценностные ориентации и осмыслить факторы, поддерживающие или сдерживающие ценностную «перенастройку» сознания.

Переход от доиндустриального общества к индустриальному, как справедливо отмечают Д. Белл, О. Тоффлер, Ф. Спир, Р. Инглхарт и ряд других исследователей, существенно снижает зависимость социума от природы и других внешних сил, характерную для аграрного общества и сложившегося в нем неподвижно-устойчивого хозяйства. Жизнь в доиндустриальную эпоху, по мнению Белла, представляет собой «игру против природы», а мироощущение человека «обусловлено превратностями стихий – сменой времен года, бурями, плодородием почвы, количеством воды, глубиной шахтных швов, засухами и наводнениями» [1, с. 147]. По мере индустриализации, продолжает автор, жизнь превращается в «игру против сфабрикованной природы», а мир становится механически и рационально устроенным при доминирующей роли «планирования и программирования, в котором компоненты собираются в точные моменты для сборки» [1, с. 147]. Совершается постепенный переход сознания масс от преимущественной ориентации на традиционные ценности и наследие прошлого (способствующие, в сущности, сохранению национальной идентичности, обеспечению физической выживаемости и удовлетворению базовых человеческих потребностей) к широкому восприятию ценностей секулярно-рациональных, благодаря которым возрастает значение материального достатка и удовлетворения потребностей более высокого порядка. Как следствие, в индустриальном обществе различные институты политической и религиозной власти утрачивают в той или иной степени сакральный характер и авторитет, возрастает уверенность в способности человека властвовать над природными стихиями, снижается психологическая зависимость от сверхъестественных сил. Все это приводит к упадку традиционных представлений и веры в способность человека влиять на свою судьбу с помощью следования устоявшимся традициям, совершения ритуалов, молитв и поклонения высшим силам. Индустриализация требует слома данных культурных «препятствий» как несоответствующих духу времени и новым ценностным ориентациям, провоцируя, по выражению Спира, «резкие трансформации социального режима в мировом масштабе» [2, с. 163].

Ослабив зависимость человека от природы, индустриализация в то же время не смогла сформировать и укрепить в людях ощущение личной независимости и свободы действия, поскольку задававшие тон промышленные гиганты с конвейерным производством и господствовавшие доктрины фордизма-тейлоризма требовали строгой организованности и мобилизации масс посредством дисциплины, регламентации и стандартизации различных сторон жизни. В обществах с формирующимся индустриальным укладом человек превращается в трудовой ресурс, в средство для решения надличностных задач, становится частью однородной общественной группы «с жесткими рычагами социального контроля и стереотипами «ответственности норме» [3, с. 49]. В таких социумах задачи обеспечения материальных потребностей решаются за счет участия миллионов людей в массовом производстве и выполнении ими стандартизированных и рутинных процедур, привычных и повторяемых производственных операций. По словам Белла, «ремесленник прошлого заменяется на две новые фигуры: инженера, ответственного за проектирование и организацию бесперебойной работы, и малоквалифицированного рабочего, который является винтиком между машинами, до тех пор, пока техническая изобретательность инженера не создаст новую машину, которая заменит его» [1, с. 147].

Если в доиндустриальном обществе социально-культурное наследие прошлого символизирует образец, определявший отношение индивида с социумом и ближайшим окружением, а также характер мотивов, стимулов и поведения, то в индустриальном обществе каждодневная деятельность человека приобретает рациональный и методичный характер, подверженный жесткому институциональному контролю, например, посредством экономического принуждения к труду, увеличения-уменьшения заработка и наказаний. К. Маркс, М. Вебер, Э. Фромм и другие мыслители были озабочены отчуждением человека от труда и его обезличиванием в индустриальном обществе, утратой им идентичности и самости. Маркс, к примеру, отмечал, что рабочий «даже не считает труд частью своей жизни; напротив, трудиться – значит для него жертвовать своей жизнью» [4, с. 432]. Однако в условиях весьма суровых экономических лишений, характерных для индустриальной эпохи в целом, человек все же был готов принять эти издержки ради достижения материального достатка и решения насущных житейских проблем.

Становление постиндустриального уклада оборачивается ценностными сдвигами другого порядка. Со второй половины XX века вследствие роста благосостояния основной массы граждан, более высокой степени защищенности и личной безопасности человека базовые принципы общественного устройства и ценности индустриального общества утрачивают свою актуальность. Экономический рост, повышение уровня образованности и политического сознания граждан, а также культурный обмен и открытие границ увеличивают объем ресурсов, имеющих в распоряжении человека, усиливают его материальную, интеллектуальную и социальную независимость. Дж. Гэлбрейт справедливо замечает, что «высокий уровень производства и дохода, являющийся результатом применения передовой технологии и крупных масштабов производства, приводит к тому, что на весьма значительную часть населения перестает давить бремя забот, связанных с удовлетворением элементарных физических потребностей» [5, с. 19]. «Гарантированное» удовлетворение этих потребностей ведет к возрастанию потребностей в благах нематериального характера. Мотивация труда перестает сводиться исключительно к утилитарной цели получения материального вознаграждения, в то время как более значимыми становятся иные факторы. Сфера товарно-материального производства уступает место сектору услуг и обслуживания, превращая жизнь человека, по словам Белла, в «игру между людьми», вступающих в отношения «врач – пациент», «учитель – ученик», «чиновник – проситель», в мир, в котором «модальностями становятся научные знания, высшее образование, организация сообщества и т.д. – и предполагается сотрудничество и взаимность, а не координация и иерархии» [1, с. 148]. Среди важнейших характеристик постиндустриального общества Белл выделяет следующие: превращение знаний в главный источник технологических нововведений, переход от производства преимущественно товаров к производству преимущественно услуг, доминирование профессионального и технического класса над традиционным пролетариатом, а также появление интеллектуальных технологий, дающих ключ к рациональному планированию технологического и социального развития [6, с. 18].

Следствием изложенных постиндустриальных тенденций становится утрата обществом многих важных характеристик в сочетании с приобретением новых признаков и зарождением особой системы ценностей, в рамках которой повышается значимость личной независимости, самовыражения, человеческого достоинства, общественного признания, утверждаются свобода выбора и равенство людей. Расширяются кросс-культурные взаимосвязи между людьми,

освобождая их от принудительных общинных связей и жестких социальных рамок и побуждая, по замечанию немецкого социолога У. Бека, к добровольному взаимодействию по принципу «до особого уведомления» [7, с. 3].

Как показали результаты международных сравнительных исследований ценностей и убеждений, проведенных под руководством Инглхарта, если сравнить результаты 1981 года с данными, полученными в 1989–1991, 1995–1997 и 1999–2001 годах, то обнаруживается, что в постиндустриальном обществе важнейший ценностный статус приобретают такие категории, как «творчество, воображение и интеллектуальная независимость», люди менее склонны «безропотно подчиняться власти, авторитетам и догматическим «общепринятым истинам» [3, с. 51–52]. По всей видимости, Инглхарт является одним из первых исследователей, обративших внимание на сдвиги в ценностных установках под воздействием социальных изменений. В работе, написанной в 1971 году, автор с осторожностью отмечает, что «в политических культурах наиболее развитых индустриальных обществ, по-видимому, происходит трансформация. Похоже, эта трансформация изменяет базовые ценностные приоритеты конкретных поколений в результате изменения условий, в которых происходит их базовая социализация» [8, с. 991]. В более поздней работе Инглхарт специально выделяет «материалистические» ценности, доминирующие в индустриальном обществе и акцентирующие внимание индивида, прежде всего, на экономической и физической безопасности, и отделяет их от «постматериальных» ценностей, формирующихся в постиндустриальном обществе, и в основе которых лежат потребности в самовыражении и высоком уровне качества жизни [9, с. 7].

Согласно З. Бауману, в постиндустриальную эпоху наступает время «индивидуализации» жизни, когда люди «все чаще и охотнее отказываются от «долгосрочной» ментальности в пользу «краткосрочной», фрагментация социальной действительности и жизни каждого индивида принимается за естественный порядок и следствие [10, с. 28]. Все это, как уточняет автор, принижает значение коллективных установок и традиций, обособляет от них индивида, уводит его мысли и поступки от коллективно установленных норм, определявших ранее цели, мотивы и перспективы индивидуальных действий и решений.

Говоря о трудовой деятельности в постиндустриальном обществе, следует заметить, что она зависит не столько от материальных ограничений, сколько от идей, творческих усилий и креативности индивида. Российский экономист В. Л. Иноземцев, разделяющий, в частности, европейскую и американскую модели постиндустриализма, замечает, что в современной Европе «искусство жить (*l'art de vivre*) сменяет по значимости искусство работать, а общественно признанным является прежде всего не положение успешного предпринимателя, а статус человека, способного увлечь других своими действиями или идеями, своего рода властителя дум (*la maitre d'esprit*); важнейшей проблемой становится не трудоустройство граждан, а формирование в них стимула к продуктивной деятельности; европейские общества являются в большей мере обществами досуга, чем безработицы, а это представляется нам пусть и не однозначно позитивной или негативной, но очевидной чертой постиндустриального социума» [11, с. 145–146]. Примечательно, что автор считает страны ЕС более постиндустриальными, чем США, поскольку на европейском континенте шире распространены «истинно постиндустриальные ценности», и утверждает, что «если в США большинство гигантских состояний сделаны на развитии и реализации новых технологий, постиндустриальных более в технологическом, чем в социальном аспекте (всем известны успехи Microsoft, Cisco, Intel, Oracle, Amazon.com и т.д.), то в десятку наиболее богатых людей Европы входят владельцы L'Oreal,

LVMH, Redoute, Luxottica, Hermes, представляющие тот сектор экономики, в котором создаются уникальные и невозпроизводимые, постиндустриальные прежде всего в социальном аспекте, т.е. по своей сути блага и услуги, производство которых, разумеется, невозможно вне современных технологий» [11, с. 145].

Переходные процессы, естественно, не обходят стороной и религиозные ценности. Иглхарт и Вельцель полагают, что в постиндустриальном обществе «материалистическая секулярность, свойственная индустриальному этапу, идет на спад», в то время как происходит сдвиг от требующих беспрекословного соблюдения «институционально фиксированных форм догматической религии к индивидуализированным и гибким формам духовной жизни» [3, с. 54–55]. Расширяется свобода выбора вероисповедания, сообщество верующих становится более толерантным к поведению людей вне строго религиозного контекста, ибо, как справедливо указывает один из наиболее авторитетных иерархов католической церкви современности кардинал Карло Мария Мартини, «всякое навязывание принципов или определенного стиля жизни несогласным – насилие над свободой совести» [12, с. 86]. Весьма символическим и значимым для человечества в этом отношении стала, как отмечает кардинал, позиция папы Иоанна Павла II в его послании 2000 года под заглавием «Приближение третьего тысячелетия»: «Еще одна болезненная глава в истории Церкви, о которой ее чада не могут думать без сожаления, – то, что в прошлом, особенно в определенные столетия, Церковь ставила на службу истины методы нетерпимости и даже насилия» [12, с. 86]. Религия, как следствие, становится во все большей степени делом личного выбора каждого отдельного человека.

Необходимо также подчеркнуть, что становление постиндустриального уклада сопровождается осознанием нарастающих рисков, возникающих в результате применения беспрецедентных технологических достижений, некоторые из которых, в случае злоупотребления ими или утраты контроля над ними, могут угрожать существованию человека на планете. В центр общественного внимания все чаще выходят вопросы о связи между человеческой цивилизацией и природной средой, о новых вызовах, возникающих вследствие увеличения возможностей индивидуальной свободы, о необходимости подняться на новый уровень гражданской ответственности. Нагляднее всего это проявляется в спорах об этических аспектах геной инженерии и развития искусственного интеллекта, о проблеме изменения климата вследствие растущего объема выбросов вредных веществ в атмосферу, о путях перехода к устойчивому развитию мирового сообщества с заботой о будущих поколениях и других, ставших очень острыми, глобальных проблемах. В подобных спорах с новой остротой встает «вечная задача поддержания целостности культуры: не допустить, чтобы наше, ускоренно нарастающее инструментальное, „цивилизационное“ могущество шло в разрез с гуманистическими ценностями, с целями сохранения и развития духовно-личностного ядра культуры» [13, с. 147]. Оптимистично к перспективам решения этой задачи настроен крупнейший социолог современности Э. Гидденс, который считает, что в условиях постиндустриального общества человек в большей мере стал склонен к «самоанализу», осмысленному существованию и распознаванию угроз долгосрочного порядка [14]. Хотя стоит упомянуть, что в своих последних работах социолог смотрит на вещи сдержаннее и выражает тревогу в связи со ставшим почти неконтролируемым и, по его выражению, «ускользающим из рук» стремительно глобализирующимся миром [15].

Из изложенного можно, казалось бы, прийти к выводу, что становление постиндустриальной эпохи способствует распространению в социуме ценностей более высокого порядка,

расширяет пространство для гуманизации межличностных отношений, распространения мультикультурализма, уважения прав и свобод человека, самовыражения личности и заботы об окружающей среде. Можно было бы пойти дальше и утверждать, что по мере роста уровня «постиндустриализованности» в обществах современности воплощается третья ступень развития всемирной истории по Гегелю, под которой великий мыслитель подразумевал возвышение от сознания «еще частной свободы до ее чистой всеобщности, до самосознания и сознания собственного достоинства самой сущности духовности» [16, с. 105].

Однако распространение постиндустриальных тенденций, «задевающее», как отмечалось, ценностные основы общественного сознания, становится весьма болезненным для той части социума, в которой преобладают традиционалистские воззрения, а «материалистические» ценности (в терминологии Инглхарта) сосуществуют с религиозными, этническими, культурными традициями и представлениями. Сопутствующий этим тенденциям перенос чужеродных технологических нововведений и инноваций, поведенческих паттернов и норм на привычную культурную и институциональную почву приводит, во-первых, к «размыванию» национальной идентичности и ценностным сдвигам в массовом сознании, неприемлемым для традиционалистских слоев общества.

Во-вторых, этот процесс провоцирует рост социального неравенства внутри общества, поскольку анклав постиндустриального уклада, возникающие на экономическом «теле» различных стран, способствуют формированию новой социальной группы, доходы и благосостояние которых растут опережающими темпами. К этой группе мы вслед за сторонниками теории постиндустриализма относим носителей знаний или класс интеллектуалов (knowledge class), который, однако, объективно не способен расширяться до масштабов общества в целом. Это вытекает из основного признака представителей этого класса, к которому Иноземцев относит «уровень образования, оказывающийся значительно выше характерного в тот или иной момент для большинства граждан, составляющих совокупную рабочую силу» [17, с. 69–70]. Класс интеллектуалов «сам производит готовый продукт и не требует эксплуатации других классов, как это происходило, например, в условиях капиталистического строя», а иные социальные слои выступают в качестве «не эксплуатируемого, а отчужденного класса» [11, с. 147]. Такое положение дел, как справедливо заключает Иноземцев, является весьма взрывоопасным, поскольку, во-первых, «между классами отсутствует позитивное взаимодействие, они до известной степени попросту не нужны друг другу», во-вторых, представители отчужденного класса «не имеют формальных прав претендовать на большую часть общественного достояния, и, таким образом, не могут существенно улучшить свое материальное положение», и, в-третьих, «образование и интеллектуальные способности не могут быть обретены столь же легко, как деньги» [11, с. 148].

К этому следует, на наш взгляд, добавить, что класс интеллектуалов, присваивающий все большую часть общественного достояния, обладает «постматериальной» ценностной ориентацией и выдвигает на передний план такие не связанные с материальной выгодой установки, как свободу слова и самовыражения, гендерное равенство, толерантное отношение к сексуальным меньшинствам, открытость к этническому разнообразию, заботу об окружающей среде, права человека и т.д., тогда как отчужденный класс, представляющий значимую часть социума, но получающий все меньшую долю национального богатства, видит в происходящей «эрозии» привычных ценностей угрозу своему материальному положению и сложившемуся жизненному укладу. Как показал Инглхарт в своем анализе воздействия культурных,

экономических и политических изменений на общественное сознание в 43 обществах, большинство представителей класса интеллектуалов не поддерживает политику «позитивной дискриминации», когда в условиях ограниченности рабочих мест работодатели предпочитают нанимать собственных граждан, а не иностранцев. В то же время представители отчужденного класса, напротив, считают необходимым давать в таких условиях преимущество уроженцам страны перед иностранцами [18, с. 247].

Таким образом, переходные к постиндустриальной фазе развития процессы могут создавать предпосылки для возникновения опасного социального конфликта и, прежде всего, в обществах, в которых наличествуют традиционалистские воззрения. Причем данный конфликт имеет не классовый подтекст, когда столкновение классов обуславливается антагонистичностью интересов, а, скорее, свидетельствует о ценностном разрыве между различными социальными слоями населения, когда классы придерживаются разных и несовместимых ценностных установок. В странах, достигших высокого уровня постиндустриального развития, подобные конфликты принимают скрытую форму и «переносятся» в политическую плоскость: отчужденный класс тяготеет к политическим силам, выступающим за сдерживание социальных перемен, защиту традиционных ценностей, строгую миграционную политику, приоритет национальных интересов перед интересами сообщества, поддержку патриотических настроений и т.д. Больше всех поддержку данным силам, как показал Инглхарт в своем недавнем исследовании, оказывают «представители старшего поколения, менее образованные люди, мужчины, верующие и представители этнического большинства, т.е. носители традиционных культурных ценностей» [19, с. 252]. Примечательно, что общество постиндустриальной Дании, которое считается образцом толерантности к представителям иных культур, отдавало в 2004 году не более 7% голосов избирателей в поддержку открыто антимусульманской Датской народной партии, в то время как сильнейшая волна иммиграции и притока беженцев из ближневосточных стран, которую переживает страна в последнее время, актуализировала реакционные настроения и привела в 2014 году к получению этой партией уже 27% голосов избирателей [19, с. 256]. Позднее, в 2018 году, Дания вслед за Австрией, Бельгией и Францией, приняла закон, запрещающий гражданам скрывать лицо в общественных местах и устанавливающий, в частности, запрет на ношение мусульманских одеяний – паранджи и никаба [20].

Не менее любопытные тенденции обнаруживаются в странах с преобладающим индустриальным укладом, но в которых существенная часть общества ориентирована на традиционные ценностные установки. С одной стороны, власти таких стран, как правило, предпринимают колоссальные усилия, направленные на формирование постиндустриального сектора: повышают качество образования, развивают информационные (цифровые, интеллектуальные) отрасли экономики, выделяют масштабные инвестиции в исследовательские проекты, новейшие разработки, прорывные технологии и т.д. Но при этом они придерживаются противоположной стратегии в отношении социокультурной сферы, реализуемой в том числе посредством сдерживания социальных изменений и препятствования «прорастанию» новых («постматериальных») ценностных ориентаций на общественное сознание. Подобная стратегия, в свою очередь, ограничивает развитие класса интеллектуалов, без которого любые попытки формирования постиндустриального уклада будут обречены на провал (для сравнения, такие действия сопоставимы с усилиями по созданию стабильно функционирующих промышленных предприятий, которые бы сочетались с препятствованием возникновения слоя

квалифицированных специалистов, умеющих выполнять сложные производственные операции на этих предприятиях).

Реакционные действия по отношению к переходным процессам, как правило, выражаются в форме различных ограничений и запретов, налагаемых властью на социальное поведение и гражданскую позицию членов социума, включая строгие административные и уголовные наказания и иные меры принудительного характера. Они призваны отказывать отдельным гражданам в праве на самовыражение или проявление различных инициатив, не соответствующих сложившимся в обществе ценностным ориентациям. Например, государство вместе с церковью не поддерживают толерантное отношение к сексуальным меньшинствам в постсоветских странах. Так, в Грузии, несмотря на принятие закона «Об искоренении всех форм дискриминации», за последние годы сложилась твердая убежденность общественности в том, что гомосексуализм является порождением Запада, а его «просачивание» в страну увязывается с широким и бесконтрольным распространением нехристианских, по своей сути, ценностей при полном попустительстве властей. Как и в других странах с преобладающими традиционалистскими воззрениями, представители нетрадиционной сексуальной ориентации подвергаются в Грузии жесткому психологическому давлению, дискриминации и моральному осуждению за «неподобающее и безнравственное поведение», а также ограничены в возможностях трудоустройства и реализации иных прав.

Говоря в этом контексте о российских реалиях постсоветского времени, следует обратить внимание на исследования «Левада-центра», в которых выявлено присущее российскому обществу общее сопротивление социальным изменениям. Для описания одной из форм такого поведения Л. Д. Гудков вводит понятие «неотрадиционализм», которым обозначает «не только растущую ностальгию по недавнему прошлому, его идеализацию (точнее – своего рода строительство задним числом потемкинских деревень), но и механизмы консервации представлений (антропологических, социальных, политических, символических и проч.), характерных для советской системы» [21, с. 87]. Характер и масштаб этого феномена позволяют представить данные 1996 и 2000 годов, которые показали явный сдвиг симпатий к ситуации «до 1985 года» во всех без исключения наблюдаемых возрастных и образовательных группах российского общества [22, с. 7]. Весьма символичным в связи с этим представляется закрепление в обновленной версии Стратегии национальной безопасности РФ положения о сохранении «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в качестве важнейшего элемента национальных интересов [23].

Таким образом, можно констатировать, что переход социума из индустриального в постиндустриальное состояние сопровождается ценностными трансформациями, которые, с одной стороны, выдвигают на передний план «постматериальные» ценности и расширяют пространство человеческой свободы и гуманизма. Однако, с другой стороны, трансформации актуализируют реакционные настроения в традиционалистских слоях общества и проявляются в различных формах коллективной защиты духовного наследия и устоявшихся ценностных ориентаций. Отсюда следует, что «углубление» постиндустриального уклада приводит не к бесконфликтному состоянию социума (хотя и способствует преодолению классического классового противостояния, разворачивающегося вокруг собственности на средства производства), а к созреванию в ее недрах социального конфликта, обусловленного ценностным антагонизмом образующихся новых социальных групп – отчужденного класса и класса интеллектуалов. Качество и формы выражения этого конфликта требуют, на наш взгляд, пристального внимания и всестороннего анализа со стороны интеллектуального сообщества.

Литература

1. Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N. Y.: Basic Books, **1976**. 301 pp.
2. Спир Ф. Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности // *Общественные науки и современность*. **1999**. №5. С. 152–163.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство. **2011**. 464 с.
4. Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* М.: Госполитиздат, **1957**. Т. 6. С. 428–459.
5. Гэлбрейт Дж. *Новое индустриальное общество*. М.: Издательство АСТ, **2004**. 602 с.
6. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Академия, **1999**. 783 с.
7. Beck U. Losing the Traditional: Individualization and “Precarious Freedoms” // *Individualization*. London: Sage, **2002**. Pp. 1–21.
8. Inglehart R. The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies // *The American Political Science Review*. **1971**. Vol. 65. No. 4. Pp. 991–1017.
9. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис*. **1997**. №4. С. 6–32.
10. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, **2005**. 390 с.
11. Иноземцев В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество // *Общественные науки и современность*. **2001**. №3. С. 140–152.
12. Эко У., Мартини К. М. *Диалог о вере и неверии*. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, **2011**. 144 с.
13. Рахманкулова Н. Ф. Свобода, риск, ответственность в контексте глобализации // *Информационная эпоха: вызовы человеку*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСППЭН), **2010**. С. 144–174.
14. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, **1991**. 264 pp.
15. Гидденс Э. *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь Мир, **2004**. 120 с.
16. Гегель Г. В. Ф. *Лекции по философии истории*. СПб.: Наука, **1993**. 479 с.
17. Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // *Социологические исследования*. **2000**. №6. С. 67–77.
18. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 societies*. Princeton: Princeton University Press. **1997**. 464 pp.
19. Инглхарт Р. *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль, **2018**. 347 с.
20. Дания запретила носить никаб и бурку в общественных местах. URL: <https://www.svo-boda.org/a/29261573.html>.
21. Гудков Л. Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // *Отечественные записки*. **2002**. №3. С. 87–102.
22. Левада Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. **2002**. №6. С. 7–13.
23. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // *Российская газета*. **2015**. 31 декабря.

Поступила в редакцию 04.08.2018 г.
После доработки – 18.08.2018 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.4.3

Transformation of values in the process of formation of postindustrial society

© V. R. Partsvaniya^{1*}, N. R. Khupeniya²

¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84/1 Vernadsky Avenue, 119571 Moscow, Russia.*

²*M. V. Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovsky Avenue, 119991 Moscow, Russia.*

*Email: partsvaniya-vr@ranepa.ru

An attempt was made to comprehend the factors contributing to the change in the value orientations of a person during the transition of the society from the industrial to the postindustrial state. The authors of the article studied the differences of the value bases of different types of societies, methodologically distinguished according to the type of technological and economic basis. It was demonstrated that under the influence of postindustrial tendencies, many societies lose their social and cultural features determined by the industrial mode of economy, and acquire new ones reflecting the emerging civil society and more humanistic character of interpersonal relations. On the basis of logical and analytical approach and the methods of comparative analysis, the authors revealed the factors deterring formation of qualitatively different society. Among these factors, the authors emphasized the most significant ones such as the complicating of social relations, which follows the “deepening” of postindustrial mode, as well as the traditionalist views that are represented in different forms in all types of societies and aimed at preserving existing value orientations. The authors concluded that in the depths of the postindustrial society, despite the progress in overcoming the classical confrontation of strata, unfolded around ownership of the means of production, a dangerous social conflict is arising. It was discovered that this conflict is caused by “different ordinal” value motivations of the emerging social groups and is fraught with political cataclysms.

Keywords: value orientations, industrialization, tradition, postindustrial mode, humanism, prosperity, progress, alienated class, intellectual class, social conflict.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Partsvaniya V. R., Khupeniya N. R. Transformation of values in the process of formation of postindustrial society // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 4. Pp. 273–283.

References

1. Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N. Y.: Basic Books, 1976.
2. Speer F. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1999. No. 5. Pp. 152–163.
3. Inglehart R., Velzel C. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change, and democracy. The human development sequence]*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 2011.
4. Marx K., Engels F. *Soch.* Moscow: Gospolitizdat, 1957. Vol. 6. Pp. 428–459.
5. Galbraith J. *Novoe industrial'noe obshchestvo [The new industrial society]*. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2004.
6. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting]*. Moscow: Akademiya, 1999.
7. Beck U. *Individualization*. London: Sage, 2002. Pp. 1–21.
8. Inglehart R. *The American Political Science Review*. 1971. Vol. 65. No. 4. Pp. 991–1017.
9. Inglehart R. *Polis*. 1997. No. 4. Pp. 6–32.
10. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]*. Moscow: Logos, 2005.

11. Inozemtsev V. L. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. **2001**. No. 3. Pp. 140–152.
12. Eco U., Martini K. M. *Dialog o vere i neverii [Dialogue about faith and unbelief]*. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andrey, **2011**.
13. Rakhmankulova N. F. *Informatsionnaya epokha: vyzovy cheloveku*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSPSPEN), **2010**. Pp. 144–174.
14. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, **1991**.
15. Giddens A. *Uskol'zayushchii mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn' [Runaway world: How globalization is reshaping our lives]*. Moscow: Ves' Mir, **2004**.
16. Hegel G. W. F. *Leksii po filosofii istorii [Lectures on the philosophy of history]*. Saint Petersburg: Nauka, **1993**.
17. Inozemtsev V. L. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. **2000**. No. 6. Pp. 67–77.
18. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 societies*. Princeton: Princeton University Press. **1997**.
19. Inglehart R. *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayut-sya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir [Cultural evolution: people's motivations are changing, and reshaping the world]*. Moscow: Mysl', **2018**.
20. Daniya zapretila nosit' nikab i burku v obshchestvennykh mestakh. URL: <https://www.svoboda.org/a/29261573.html>.
21. Gudkov L. D. *Otechestvennye zapiski*. **2002**. No. 3. Pp. 87–102.
22. Levada Yu. A. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. **2002**. No. 6. Pp. 7–13.
23. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabrya 2015 g. No. 683 «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii». *Rossiiskaya gazeta*. **2015**. 31 dekabrya.

Received 04.08.2018.

Revised 18.08.2018.